

ОРЕНБУРГ

Юлдаш сидел на мягком стуле, подперев голову рукой. Лампада на столе мигала и чадила, потому что заканчивалась масло. Но Юлдаш не обращал на это внимания, погруженный в свои думы. Он потянулся к стопке бумаг, но потом махнул рукой. Все никак не мог он завершить свой труд об истории земельного вопроса. Тем более теперь, когда творится новая история, когда наступил день Курултая.

Юлдаш предложил включить представителей Мусульманского комитета в работу башкирского Курултая в Оренбурге. Но его мучили сильные сомнения. А не повредит ли это работе Курултая? Представители Мусульманского комитета хотят помешать работе башкир, среди них есть мастера агитации, куда они повернут дело, не возьмут ли собрание под свой контроль и не превратится ли башкирский съезд в придаток тюрко-татарского комитета?

Голова Юлдаша гудела от вопросов как пчелиный улей. Но ответа на все эти вопросы он не мог найти. Потом все же решил, что одна голова хорошо, а две лучше: нужно до открытия собрания собраться с активистами и обсудить важнейшие вопросы и заранее подготовить предложения. От этой догадки Юлдаш успокоился и решил вздремнуть. Он порадовался, что еще успеет встретиться с товарищами и обсудить проблемы. А ночь уже сменялась новой зарей, наступало утро...

Юлдаш поведал свои сомнения Заки Валидову. Тот вскочил, хоть и был недоумен, но против ничего не сказал:

– Обмен мнениями перед большим разговором – это древний наш обычай. Да и в Государственной Думе мы так собирались для обсуждений. Соберите прибывших делегатов. Я скоро туда подойду.

Вскоре в одной из комнат Курултая собрали десяток человек.

– Граждане, до открытия Курултая есть необходимость обсудить острые вопросы... – Юлдаш спешил рассказать о своих сомнениях.

– Не беспокойтесь, учитель, просто назови мне этих людей. С ними мои парни разберутся, – сказал сурово Насип.

– Насип-батыр, – Заки Валиди нарочно так обратился к кипчакскому представителю. – Все знают, какой ты сильный и энергичный человек. Но прошу, вы-

слушай меня внимательно. Все прибывшие сюда выбраны народом делегатами, а членов мусульманского комитета пригласили сюда эти вот делегаты, считай, сам народ их позвал. А раз так, то никто не имеет права обидеть народных гостей, даже не имеет право думать об этом. Наоборот, мы обязаны оберегать наших гостей, встретить, оказать почет, а потом проводить. Это я говорю как один из организаторов Курултая.

И не беспокойтесь, что комитетчики помешают работе Курултая, – продолжил Заки. – Ведь они приглашенные гости и не имеют право голоса. Самый важный гость не может быть главней хозяина, не так ли? Я прав, Насип-батыр?

Насип молча кивнул, не поднимая головы, в знак согласия.

* * *

Несмотря на раннее утро, Сагит Мрясов и Юлдаш Ягофаров сидели с карандашами в руках над бумагами. Зашел Заки Валиди:

– Здравствуйте, славные сыны башкирского народа! – приветствовал он их.

– Здравствуй... А, это ты, узбек Заки Валиди! – пошутил Сагит Мрясов. – Не сразу признал тебя.

Юлдаш тоже подхватил шутку:

– Да нет, если он был из кишлака, то был бы чеготаец. А Заки приехал из Ташкента. Значит, он городской узбек – сарт.

Заки улыбнулся в ответ:

– Смейтесь-смейтесь, давай, говорят: кто смеется над старшим, у того рот набок свернется.

– Тоже мне большой человек нашелся. Надел штиблеты вместо калош, бабочку нацепил, усики отрастил – думаешь сразу стал уважаемым человеком?

– А вы сами зачем нацепили сапоги летом?

– А это у нас единообразие формы членов шуро. Сапоги, отутюженный европейский костюм, белая рубашка со стоячим воротником и аккуратная стрижка. Ну а тебе, как заместителю председателя распущенной мусульманской фракции Государственной Думы, положено ходить во фраке. И в тубетейке, куда ты ее подевал?

В комнату зашел Нурсалих. Первым заметил его Сагит:

– Вон к кому перешла тубетейка. На торчащих ушах повисла, как корона у растущего в лесу курая.

Салих ответил с ходу:

– Не суй мне пальцы в рот, откушу их вплоть до языка.

– Такой и вправду откусит. – Сагит замолк.

Салих:

– Чего гогочете?

Заки ответил:

– Надо мной смеются. Забывают, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Ладно, давайте, поздороваемся теперь по-человечески. Здравствуй, Сагит. Здравствуй, Юлдаш. А как вас зовут? Я вас вспомнил, в Москве вы выступали со стихами.

– Я Салих, полное имя Нурсалих.

– Я Заки.

– Точнее, Ахметзаки Валиди, – поправил Сагит. – У него все еще был шуточный настрой.

Юлдаш тоже вставил слово:

– Это наш поэт Нурсалих.

Заки улыбнулся.

– Это тот, который ругал меня гордецом?

– Я так ругал, чтобы не возгордился. Ведь надо заранее поругать ребенка, который может разбить кувшин. Ругать после того, как он разбил, уже бесполезно.

– Салих быстро нашелся, как ответить.

Сагит наконец стал серьезным:

– Ладно, пошутили, посмеялись, отвели душу. Теперь говори, Заки, какие новости в мире?

– Мир очень большой. Всех новостей не пересказать. Но есть такие новости, которые хорошо знаю сам.

– Из первых рук.

– Вот новости и Туркестане. В Семиречье положение наших сторонников намного улучшилось. Революция помогла сдвинуть с места проблемы, скопившиеся годами. Унитаристы в Туркестане проиграли. Был там такой кадет Маллетский, который хотел вести в Туркестане политику наподобие англичан в Индии. Но наши братья решили провозгласить Туркестан федеративной республикой в составе России. Провалилась попытка создать там два уровня власти. Выбрали одну власть, в которую вошло много наших друзей. И скоро власть перейдет к ним в каждом месте. Еще лучше положение у киргиз-кайсаков. Недавно встречался с Галиханом Букейханом. Они готовы к проведению своего курултая одновременно с нашим, только ждут сигнала. А как ваши дела?

– Хвала Аллаху! Мы нашли понимание среди самых авторитетных людей и очень многих делегатов, но главное – среди народа. На вопрос: «Люди, нужна ли нам республика?» – народ отвечает единодушно: «Нужна!» Люди там ждут настоящих перемен, ждут от нас решения вопросов.

– Да, я и сам это вижу. Я ведь съездил в родную деревню. Встретился с родителями, родственниками, односельчанами. Утолил жажду, испив воды из нашего родника.

*Если выпьешь воды из родника,
То не нужен сладкий мед, –*

на ходу сочинил Салих.

– Как хорошо ты сказал, парень. Твои слова дороже бриллианта, – восхитился Заки.

Салих:

– Вот ты и сам перешел на стихи. Свобода и сороку превращает в соловья.

– Спасибо за сороку, – засмеялся громко Заки.

– Дело не в певце, дело в самой песне.

– Так вот, там к нам пришли односельчане. Рассказал мне отец и о твоём приезде, Сагит. А дед сказал, что таких курултаев не было уже последних сто пятьдесят лет. Но решения таких собраний были обязательными для всех и служили заковской, но портящейся с годами. Вот как трава – белый корень. Сколько не пытайся удалить его, но если останется корешок, то опять трава прорастет всюду. Вот и народ наш такой же. Проснулась в нем воля к свободе, нужно только направить в верную сторону все пламя этой борьбы.

– Все сказанное верно и нужно. Но нам надо обсудить более близкие к жизни моменты, – сказал Юлдаш.

– Хочешь сказать, пора с небес спуститься на землю, Юлдаш?
– Вот именно. До башкирского курултая осталось мало времени. А у нас еще полно нерешенных дел. Вот, например, Заки, мы по твоему предложению объявили, что курултай пройдет в Караван-сараяе. Но сегодня ведь там хозяева другие люди.

– Хорошо, это я беру на себя. Сейчас напишу письмо и отнесу губернским властям. Попрошу большой зал для Курултая. Кстати, курултай казахов тоже пройдет в один день с нашим. Им тоже нужно помещение.

– А зачем они хотят с нами в один день?

– Это покажет всем, что наши народы выступают за свои республики совместно, заодно. Так, что еще?

– Нужна повестка дня, – сказал Юлдаш.

– Здесь Сагит мастер. Он хороший организатор.

– Хорошо, я составлю повестку, потом вместе посмотрим, – согласился Сагит.

Но Юлдаш не успокоился на этом.

– Требуется выбрать председателя собрания, президиум, исполком будущего центрального шуро, секретариат и редакционную комиссию, список комитетов и кандидатов для избрания.

– Так ведь ты занимался этими делами, все уже подготовил? – Заки засмеялся.

Юлдаш смутился:

– Да, я все написал. Но требуется все перепроверить.

– Очень хорошо. Вот пройдемся по всем вопросам, а потом посмотрим твой список.

Юлдаш напомнил:

– По каждому вопросу повестки дня Курултай должен принять резолюцию. Значит, и они должны быть подготовлены. Заки, это дело для тебя. Работать с документами ты умеешь. Основные мысли сам и изложишь.

– Доверьтесь, мои единомышленники, с удовольствием это сделаю. В Туркестане я подготовил столько бумаг. Казахи тоже взяли за основу эти документы.

Юлдаш:

– Наш Салих что-то притих. Видать боится, что без работы останется.

Салих ответил по-своему:

*Свои песни золотые,
Свои песни золотые
Я пою не ради славы,
Я пою их для народа.*

– Прекрасно! Нурсалих, на тебя возлагается выпуск номера газета «Башкорт» к открытию Курултая, организация концертной программы, но самое важное – ведение протокола заседания. Надеюсь, с помощью грамотных и умных парней ты с этим справишься?

– Можете не волноваться.

Юлдаш продолжил:

– Есть еще один существенный вопрос, который требует обсуждения. Перейдем к нему.

Заки:

– Какой вопрос?

– После революции все совещания велись на русском языке: в Москве, в Пигере, в Уфе. На каком языке мы будем вести наш башкирский Курултай? Неужто на русском? – Юлдаш очень серьезно поставил вопрос.

Пока Сагит раздумывал, Заки объявил:

– Нет, без всяких сомнений, нет. Курултай мы проведем на родном языке. При необходимости перейдем и на русский язык. Все понимают по-русски, но большинство говорит на своем. Ведь цель самоопределения – раскрытие характера человека. А наша натура заложена в нас на языке отцов. Наш родной язык равен всем другим языкам и требует освобождения и признания.

– Очень хорошо. Но дело в том, что решения Курултая нужно будет направить в правительство России и в губернии.

– Решения напишем на двух языках. Зачитаем на своем языке, потом на русском и подпишем оба документа.

– Договорились. Пора братья за работу, засучив рукава.

* * *

Башкирский Курултай начал свою работу с молитвы Аллаху. Имам громко пропел аяты Корана. Народ слушал их с вниманием. На собрании находились также и две женщины: Минзада-туташ и Зинзиля-ханум. Они молились рядом с мужчинами.

Собрание открыл Заки Валиди. Перед выступлением он еще раз оглядел собравшихся. Здесь были разные делегаты: богачи, торговцы, учителя, деятели религии, несколько солдат, молодежь.

– Граждане! Господа и дамы! Вот уже долгое время мы живем в свободной стране. Царь низложен. Всем даны свобода и равенство, – начал Заки. – Мы, башкиры, долгие века ждали кончины самодержавия. Но не просто ждали, а боролись. С тех пор как триста пятьдесят лет назад мы заключили договор с царем, в котором признавалось наше право на свою землю, воду, леса, на язык, на обычай и религию. Но за соблюдением этого договора нам пришлось долгие годы вести постоянную борьбу, проливая кровь, жертвуя тысячами жизней лучших сынов народа. И вот пришла справедливость, и наступило равенство. Царя нет. И мы, башкиры, многие из них здесь, и я, ваш покорный слуга, написали обращение Временному правительству с просьбой выполнить договор, который заключил наш народ с Иваном Грозным. Мы обращались не раз. Посылали с письмом человека, отправляли по телеграфу. Нам сказали: ждите Учредительного собрания. Съезд мусульман России не стал рассматривать вопросы земли, ограничившись лишь культурой и искусством. Губернский съезд крестьянских депутатов в Уфе даже не ставил вопроса о возврате наших земель. Мы обратились к министерствам Временного правительства с просьбой выдать нам охранные грамоты на наши леса и реки. Ответа не было. Временное правительство оказалось глухим и немым. Царь хоть отвечал на наши требования градом пуль, а эти молчат. Вот и вся разница. В этих условиях, граждане, мы решили пригласить вас и посоветоваться, что нам делать дальше. Как должны жить дальше башкиры – вот о чем мы хотим обменяться мнениями.

Собравшиеся одобрительно зашумели.

– Правильно.

– Надо посоветоваться.

– Если сами себе не поможем, кто нам поможет?

– Общество, – продолжил Заки. – В первую очередь мы должны обсудить проблему земли, лесов, воды.

– Этого недостаточно, – крикнул один делегат и продолжил: – В центре внимания должен быть вопрос о руководящем органе по организации башкирских дел. Ведь вопросы земли и воды не решить без твердой руки. Например, нам нужно устроить Башкирское шуро.

Тут закричал Култан, сидевший в середке.

– Нет. Не нужно Башкирское шуро. Башкиры живут на мусульманской земле, в мусульманском мире. И относятся к Мусульманскому центру. Этот вопрос уже решен.

Зал зашумел.

– Кто же так решил?

– Кто и с кем говорил о передаче башкирских земель под контроль мусульман?

– Там башкир не было.

– Тихо провернули, хозяин земли и не узнал.

– Култангали-эфенди правильно говорит.

– Если каждый начнет отделяться, то русские нам ничего не отдадут.

– У всех мусульман должна быть единая земля и центр.

– Башкирская земля принадлежит башкирам. Она не делится и не присоединяется ни к кому.

Шум в зале поднялся, унять его было непросто. Заки громко объявил:

– Граждане! – сказал он. – Давайте отложим вопрос о башкирском шуро. – Заки прибег к тактической уловке. Он понимал суть земельного вопроса. Если решится земельный вопрос, то автоматически возникнет вопрос об органах управления. Прошу высказаться по земельному вопросу, только по очереди, не перебивая друг друга.

– Открывая собрание, Заки-эфенди очень правильно сказал, – начал Курбангали, делегат из самых дальних мест. – Башкиры жили здесь издревле, защищали свои земли и реки, проливали свою кровь. Еще до присоединения к Москве башкиры бились с Сибирским и Казанским ханством, не допуская их на Урал. Наши предки были прозорливы. Они решили сами присоединиться к Белому царю, который обещал не вмешиваться во внутренние дела башкир и не трогать их земли, иначе нас постигла бы участь Казани. Понимали предки, что и мы станем защитой Москвы от восточных набегов.

Тогда им удалось уберечь нашу страну. Но когда следующие цари, забыв про обещания, стали зариться на наши земли и богатства, башкиры стали воевать за свои интересы. Кровь лилась, башкир грабили нещадно. В наш край стали заселяться кто угодно, вырубали леса, заводы наносили вред рекам. И терпению народа пришел конец.

Многие башкиры, потеряв свои земли, превратились в батраков, стоят на грани смерти. Если не вернуть народу землю, он вымрет. Нужно вернуть землю башкирам!

– Правильно! – большинство поддержало выступающего. – Сколько можно жить, склонив голову? Что это за жизнь, когда нет места пасти скот, нет леса для строительства дома, нет рыбы в реках?

После долгих споров и пререканий, когда уже были готовы взяться за воротнички, была принята резолюция о возвращении прежних земель коренному хозяину – башкирам.

О лесах и реках было сказано также. Леса и реки – это неразрывная часть земли. Значит, и они должны быть в распоряжении хозяина.

– Вот вы написали, что земля, вода, леса принадлежат башкирам, – закричал Култан. – Но в наше демократическое время разве это не возвышение башкир над другими? Свобода дала равенство всем.

– Башкортостан – для башкир! – закричали в ответ.

– Кому не нравится, пусть катится отсюда. У каждого равноправного народа есть своя земля.

– Это неправильно! – вскочил Салих. – Всевышний создал всех равными: и башкир, и татар, и русских, и марийцев. Но нарушение равенства привело к тому, что одни угнетают других. Поэтому наша задача сделать жизнь на башкирской земле справедливой для всех народов. Если мы станем возвышать одних над другими, то чем мы лучше прежних угнетателей. Башкортостан должен быть страной равенства и справедливости, стать кусочком рая на земле. Башкирский народ никогда не давил другие народы, не был кровожадным и не будет теперь. Это не в нашем характере.

Салих говорил с воодушевлением, его слушали не перебивая. То ли слова поэта оказали сильное впечатление на делегатов, то ли каждый подумал о своих соседях другой национальности, или был высок авторитет президиума, но предложение о равенстве Салиха хоть и с сопротивлением, но прошло.

Взяла слово и Минзада. Когда раздался женский голос, народ удивился.

– Прошу вас, туташ! – сказал председатель.

– Вот только что вы приняли очень важное решение. Вы заявили, что все народы в Башкортостане равны. Но вы забыли о правах женского пола. Равны ли права женщин с мужскими?

Мужчины стали переглядываться. Никто из них не решался что-то ответить. Минзада взглянула на Юлдаша, на Салиха, оглядела весь зал. Пауза затянулась, мужчины стали перешептываться. Не дождавшись ответа, Минзада, сверкнув глазами, сказала:

– Господа, все вы рождены своими матерями, они вас растили, кормили грудью и подмывали. Ваше первое слово было: «Мама!» Она вас оберегала от невзгод. Но потом вы выросли и стали смотреть на свою мать свысока. Как и на жену, на мать ваших детей. Но чем ниже ваша мать, чем ваш отец? Она наравне с мужем разделяет все трудности жизни. А вы утверждаете, что ее место возле дверей, отказываете ей в праве учиться, свободно говорить, не даете прав на землю. Почему так? Потому что в ваших душах живет угнетатель. Этот шайтан толкает вас на то, чтобы вы помыкали кем-то, кричали, били кого-то. Вы так поступаете. Если хватает сил. На женщин сил хватает. На нее вы набрасываетесь как хищники... Если присутствующие здесь господа серьезно хотят построить справедливое общество, если они принимают идеи равенства, данные нам революцией, то они обязаны принять резолюцию о равенстве женщин и мужчин и объявить об этом всему миру.

– Очень хорошо сказали, Минзада туташ! – подхватила с места Зинзиля. – Если женщина будет равна мужу, то и жизнь станет лучше, мир вокруг станет красивей. Вот мой муж Култангали, например, никогда не ругает меня. Да и свекор Гайнетдин всегда советуется со мной в делах. Я уверена, что Нурсалих-эфенди считает равной Минзаду-туташ, как и Юлдаш-эфенди свою супругу. Или я ошибаюсь? Тогда скажите, кто считает свою мать или жену низкой душой?

Мужчины сидели молча, опустив головы. Кто же заявит, что избивает жену или что жена его плохая. Даже если они не могли принять полностью слов Минзады и Зинзили, то и возразить им не посмели.

– Возражений нет, – продолжила Зинзиля. – Значит, все считают женщин равноправными с собой. А раз так, то осталось лишь признать это от имени собрания.

– О, Аллах! О, Аллах! Спаси рабов твоих от умопомешательства, – воскликнул один имам.

– Что вы сказали? – быстро спросила Минзада. Но имам замолчал.

– Никто не просит слова по этому вопросу? – Заки оглядел зал. – Если нет желающих, продолжим. Вернемся к отложенному вопросу. О необходимости создания Башкирского шуро. Слово имеет Култангали Талипов.

Култан не ожидал такого поворота. Он не думал, что слово дадут прямо сейчас. «Вот ведь, какой хитрый “лис” этот Заки», – подумал Култангали. Узнав его аргументы и доводы в самом начале, Заки непременно расколошматит их с помощью других выступающих.

– Так вы будете выступать, Култангали-эфенди? Если нет, потом не говорите, что мы вас не слушали. Отказываетесь выступать?

Култан наконец решился, выпрямился, поправил тюбетейку.

– Граждане, я уже высказался по этому вопросу сегодня... Были времена, когда наши народы жили привольно, потрясая мир. Еще несколько веков назад русские кафыры боялись нас, встречая на пути, кланялись. Но эти неверные захватили нашу цветущую страну и распахали ее своими свинными рылами. Теперь они ругают нас «грязными татарами». Почему так произошло? Потому что мы потеряли единство. Мы растратили наследство великого Чингисхана. Ханы стали воевать меж собой, разваливая страну на части. Кафыры очень умело этим воспользовались и одолели. Сами видите, что мы рабы, а они господа. Мы живем в страхе, боясь сказать слово... Хватит, мы долго страдали, долго угнетались. Пора выпрямить свою спину. Пора сорвать с шеи колодку неверных и нацепить ее им обратно. Но допустят ли они этого? Нам нужно объединить наши силы. Если сейчас мы – татары, башкиры, тюрки – выступим вместе, то тогда победим. А если, как раньше, будем тянуть каждый в свою сторону, то ничего не изменится... Один делегат говорил, что татар завоевали, а башкиры сами склонили голову перед Белым царем. Какая разница? Все одно мы рабы сейчас: и татары, и башкиры. Только вместе мы сможем разбить наши кандалы рабства. Да поможет нам Аллах возродить наше государство под знаменем ислама. Разделение же мусульман на татар, башкир и других приведет к поражению.

Члены мусульманского комитета и еще несколько их сторонников громко зааплодировали.

– Да здравствует мусульманский комитет.

– Великий Аллах, помоги нам, твоим рабам!

– Единство, нам нужно единство!

Култан с очень довольным видом сел на место. Его выступление и вправду было сильным и аргументированным. Салих подметил, что Култан стал большим оратором.

Когда шум стих, один делегат сказал:

– Уважаемый Култангали-эфенди, разрешите задать вопрос?

– Конечно, спрашивайте, – ответил Култангали, ему было лестно уважительное обращение, но все же он напрягся, нет ли тут подвоха?

– Вы красноречиво поведали о том, как хорошо было в Казани до разгрома Белым царем. Но другой выступающий говорил, что башкиры притеснялись со стороны Казанского и Сибирского ханства. Если мы вернемся к прошлому, то не ждет ли снова башкир та же участь?

– Господа, – Култангали сделал весьма удивленный вид. – Как вам такое вообще могло прийти в голову? И татары, и башкиры – дети Чингиса. Мы должны вечно жить мирно, как братья.

Услышав эти слова, Салих вспомнил, как Култан с Зинзилей на днях хотели раскупить его. Вот ведь как бывает даже среди родных. Тут кто-то из зала словно расслышал его мысли и воскликнул:

– Так ведь и родные братья дерутся.

Култан тут же вскочил:

– Братья ссорятся, но потом мирятся, когда опасность угрожает обоим.

– Култангали-эфенди, вы только что сказали много красивых слов о равноправии, – сказал Салих. – А ведь совсем недавно вы утверждали на Мусульманском комитете, что нет такой нации, как башкиры. Что нет башкирского языка, а что это испорченный татарский язык. Если вы не признаете башкир за народ сейчас, то, когда возникнет большой мусульманский центр, с нами совсем не станете считаться.

Култан не знал, что сказать. Теперь это был не прежний вопрос, похожий на щипок, нет, слово Салиха было как прямой удар кинжалом в грудь. Култан говорил о том, что башкиры используют общее татарское письмо, о близости языков. Но не нашел точных аргументов для ответа. Тут прозвучал еще один вопрос:

– Култангали-эфенди, а где же будет располагаться мусульманский центр, и кто его возглавит?

– Центр – в Казани, во главе будет муфтий.

– А почему центр не в Оренбурге или в Уфе? Уфа ведь центр, Духовное собрание мусульман там.

– Так решено.

Последние вопросы совсем поставили Култана в тупик. Он не знал, что и ответить, потому сам никогда над этим не задумывался.

Заки поднялся с места.

– Есть такая поговорка: от медведя сбежал, да к волку попал. Если башкиры войдут в мусульманский центр, то так и выйдет. Убежав от русского царя, они попадут к татарскому хану. По словам Култангали получается, что пока башкиры сами не станут себе хозяевами, они не освободятся от гнета, не смогут жить привольно. Поймите это, господа!

Раздались крики:

– Правильно! Нам нужен свой совет – шуру!

– Сколько можно перед царями головы склонять?

– Не отворачивайтесь, если отделитесь, вас русские уничтожат.

– Без нас все равно вам не прожить!

Перепалка грозила перерасти в потасовку. Некоторые горячие головы пытались протолкнуться к Култану и взять его за воротник.

Время было уже позднее. Заки посмотрел на часы.

– Граждане! Предлагаю на сегодня прекратить прения. Завтра на свежую голову подведем итоги.

Закончился первый день Курултая. Делегаты расходились, горячо споря и доказывая свою точку зрения, свою правоту.

Култан не отпустил своих сторонников, а пригласил к себе в дом.

– Что будем делать? – спросил он. – Ветер не в нашу сторону. И не ветер, а целая буря.

– Надо их всех разогнать. Как они смеют нас учить?

– Нужно братья за оружие и разогнать их. Здесь все равно не слушают наших слов.

Култан задумался. Один раз они уже пытались применить силу. Но все закончилось плачевно. Зачем рисковать еще раз?

Култан выступил против насилия.

– Что же будем делать тогда?

На этот вопрос никто не смог ответить.

– Надо поразмышлять. Завтра обсудим, – ответил Култан.

Люди разошлись. Култан не смог заснуть всю ночь. Но ничего не мог придумать.

Что же делать? Зинзиля тоже беспокоилась за мужа, не спала. Что же делать? Она надеялась, что муж найдет выход. И в самом деле, утром он пришел к решению.

– Собирайся, пойдем.

– Не подождем остальных? – Зинзиля имела в виду остальных членов Мусульманского комитета. Култан отмахнулся.

Караван-сарай к их приходу уже гудел как улей, как вскипевший самовар. Когда в зал вошли Култан и Зинзиля, председатель собрания обратился к делегатам стоя:

– Граждане, продолжим наши прения.

Все расселись по местам. Один Култан возвышался над залом.

– Вы хотите что-то сказать, эфенди?

– Да.

Култан прошел к трибуне:

– Общество! Я вчера высказал перед вами глубоко ошибочные слова. Шайтан попутал и некоторые недобрые люди. Я поддался их влиянию. Прошу меня простить, господа. Теперь я глубоко огорчен этим, каюсь. Господа, прошу считать, что я не говорил слов против башкир и против создания Башкирского шуру. Я глубоко ошибался. Я размышлял всю ночь и осознал ошибку и пришел к выводу: Башкирское шуру должно быть провозглашено! Я первым голосую за него!

Култан очень четко произнес свои слова. Затем сел в зале рядом с Зинзилей. Наступила тишина. Люди потеряли дар речи. Потом, придя в себя, они стали галдеть. Члены Мусульманского комитета закричали:

– Предатель!

– Позор Култану!

Другие молчали.

Многие не знали, как относиться к этим признаниям Култана.

Заки поднялся с места:

– Общество! Есть ли еще желающие выступить по вопросу создания Башкирского шуру для руководства башкирскими делами?

– Нет. Много говорили уже.

– Пора нам взять свою судьбу в свои руки.

Мусульманские комитетчики:

– Не нужно! Башкирское шуру не может быть отдельно. Против! – кричали они.

Заки:

– Кто за организацию Башкирского шуру – прошу проголосовать! – сказал он. Все стихли. – Большинство. Значит, собрание приняло решение о создании Башкирского шуру!

– Нет! Это неправильно. Ваше решение – это лишь хлам.

– Мы более не участвуем в вашем собрании!

– С таким предателем, как Култангали, нельзя серьезно работать.

Мусульманские активисты покинули зал.

Все посмотрели на Култана.

– А вы, Култангали? – спросил Заки.

Култангали пожал плечами:

– Я свою точку зрения уже выразил. И слов своих обратно не возьму.

Заки опять поднялся:

– Общество! Мы подошли к последнему вопросу повестки дня. Курултай должен принять резолюцию, в которой будут наши самые святые пожелания. Этот документ прочтет от имени провозглашенного Башкирского шуру наш соратник Юлдаш Ягофаров.

Юлдаш вышел на трибуну:

– Основной оплот башкир – Урал – с древних времен был колыбелью башкирского народа. Башкиры материально и духовно крепко связаны с ним, воспевали Урал в своих песнях, народ не забыл о богатствах своего края, о привольной жизни до середины XVIII века, когда усилилась колонизация Башкортостана. Теперь в свободной Российской республике вся башкирская земля вместе со всеми её богатствами должна стать собственностью башкир.

Устранение следов материального, политического и духовного гнета, сохранение единства башкир среди других тюркских народов, развитие башкирского края в национальных границах полностью связано с правом быть хозяевами на своей земле и завоеванием совместно с восточными и восточно-южными степными тюркскими народностями национально-политической автономии.

По особенностям языка башкиры отличаются от других живущих в башкирских землях мусульман. Являясь хозяевами земли и воды, башкиры не имеют в должной мере возможности пользоваться собранными в земстве налогами.

Окруженные с разных сторон другими нациями, башкиры не имели возможность развивать свою национальное хозяйство, поэтому для проведения воли башкирских волостей должны быть созданы специальные районные земства.

В вопросе военного строительства мы поддерживаем позицию Казанского мусульманского съезда о формировании национальных воинских частей, но заявляем, что башкирские национальные полки должны создаваться отдельно. Вместе с этим требуем остановить империалистическую войну, развязанную кровожадным старым правительством, без аннексий и контрибуций.

По женскому вопросу было принято решение, что женщины имеют равные с мужчинами выборные права и могут быть избранными. Также нужно усилить культурно-просветительскую работу среди женщин.

Курултай принял решение об учреждении национального фонда из средств башкир, хранящихся в разных учреждениях.

Затем Курултай выбрал членов Центрального Башкирского Шуру (Совета), также должны были быть созданы местные шуру для претворения в жизнь этих решений.

ПОСЛЕ ПРАЗДНИКА

У одного аксакала спросили:

– Чем отличается праздничный день от будней?

– Если болит голова или живот, а на душе пустота – значит, вчера был праздник, – ответил аксакал.

Подобно этому после провозглашения решений Курултая о строительстве Башкортостана, о возврате земель, о равноправии члены Центрального Башкирского шуру собрались в Караван-сарая и не знали, с чего начать. Они обсуждали меж собой вчерашние впечатления.

Заки Валиди сидел над бумагами, завершая работу с документами. Он оглядел присутствующих и спросил Хурматуллу Идельбаева, сидящего на подоконнике:

– Ну и где твой Раскольников?

Услышав это, все рассмеялись. Хурматулла был начитан и успел раздать прозвища из имен героев русской литературы всем присутствующим.

– Он ведь председатель шуро, не станет с утра приходиться на работу, как мы, – был ответ. – Раскольников говорил, что знает немецкий и французский языки. Я как-то спросил у нашего председателя: «Шариф, как по-твоему, есть ли влияние Востока в описании ада в поэме Данте?» Он не ответил, перевел разговор в другую сторону. А еще спросил: «Фауст как пантеист был ли искренним?» И здесь он ушел от ответа. На сегодня я приготовил еще вопросик.

И тут распахнулась дверь, и вошел избранный на Курултае председателем Башкирского шуро молодой Шариф Манатов. Он был одет во все кожаное: пальто, сапоги, кепку. В руках он держал кожаную папку. Шариф, громко топая ногами, прошел к столу и швырнул на него свою папку.

Затем растегнул пальто, сел в кресло, закинул ногу на ногу и обвел глазами присутствующих. Когда его взгляд встретился с Идельбаевым, тот, заискивая, произнес:

– Дядя Шариф, почему же Ницше в «Заратустре» был негативно настроен к женщине? Не разъясните ли нам этот момент?

Тот проигнорировал вопрос и повернулся к Заки:

– У других и спрашивать не стану, твое мнение мне важно: идет ли мне кожанка? Я по этому делу был занят.

– Идет, – ответил Заки, стараясь спрятать смех. – Очень идет тебе эта шуба. Узбеки от жары два сапана надевают. Но от летней жары нет ничего лучше кожаного тулупа.

– Ты что, смеешься надо мной? Я же серьезно спрашиваю.

– Кто смеется? Вон же хищники носят меховую шубу и зимой, и летом.

Шариф поглядел на новые сапоги.

– Я оделся так, чтобы вы рассмотрели форму. Если хотите, можно всем такую достать.

Заки еле сдерживал себя от смеха.

– И какой богач решил нас одарить? Курбангали?

– А что, если Курбангали? Плохо?

– А что он потребует взамен?

– Не потребует. Как он может чего-то требовать от шуро?

– Нет, он не требует, он просит изменить только одно слово в решении Курултая. Не так ли, дядя Шариф? Тот раз ты не ответил на мой вопрос, но теперь ответь серьезно, – стал серьезным Идельбаев.

– Ну да. Они просят о небольшом изменении резолюции в вопросе земли. – Голос Шарифа был осипшим.

Глаза Заки вспыхнули от гнева, он готов был наброситься на Манатова.

– Ты считаешь себя социалистом. А социалисты требуют отдать землю бедным крестьянам. А ты хлопчешь об интересах богачей, продавшись за кожаную тулурку. Как можно тебе доверять после этого?

Сагит вскочил не в силах сдержаться:

– Шариф, уходи от нас, из шуро. Это будет лучше для всех, – сказал он громко.

– А, вот значит как? Хотите выгнать председателя шуро? Но меня выбрали не вы, а Курултай. Он только может решать этот вопрос.

– Хорошо, братцы, оставим этот разговор, все равно сейчас мы не договоримся сгоряча. – Заки остановил конфликт, успокоил всех. – Я предлагаю всем пройти по органам власти и организациям в Оренбурге. А их теперь много. Нужно установить контакты с ними, найти общие интересы, чтобы затем совместно работать.

Я сам пойду к представителю Временного правительства. Предлагаю всем выбрать какой-либо орган. А после обеда снова встретимся тут и подведем итоги.

Вскоре члены шура разошлись по городу. В комнате остались лишь Шариф и Заки. Манатов увидел, что все послушно пошли выполнять поручение Валиди. Когда Шарифа избрали председателем, то он думал, что сегодня все будут смотреть ему в рот, а оказалось, что никто его всерьез не воспринимает. Заки, видя его разочарование, решил смягчиться:

– Шариф, а ты решил не ходить в организацию?

– Ходить по поручениям не для председателя.

– Возможно, но в нашем шуру нет ни порученцев, ни поломоек, ни уборщиц, ни машинисток, ни писарей – проще говоря, нет работников. А вот нанять на службу, дать им жалование, найти средства для разных расходов – это все лежит на плечах председателя. Тогда ты и займись этими делами.

– Для этого у меня есть заместитель. А я должен думать о будущем.

– Действительно... – Заки замолчал ненадолго, потом: – Шариф, ты бывал за границей, в Турции, в Скандинавии, говоришь, что знаешь иностранные языки. Нашему шуру нужен такой человек для работы с другими странами. Будучи председателем, ты мог бы возложить эту работу на себя.

– Я и сам об этом думал.

– Вот видишь, наши мысли совпали. Вести работу с зарубежными странами удобнее, само собой, через Петроград. Там находятся посольства многих стран. Кроме того, у нас должен быть представитель возле российских центральных властей. И самое удобное – иметь там человека с полномочиями председателя Шура. Поэтому было бы хорошо, если бы ты перебрался в столицу для выполнения этих представительских дел. Согласен, Шариф?

– Я так далеко не заглядывал. Наверное, ты прав.

Разговор на этом завершился. Заки пошел по своему адресу. Шариф остался.

Забегая вперед, надо сказать, что так и вышло. Вскоре Шариф поедет в Питер, а потом в Москву. В архиве не сохранилось документов, указывающих на установление Манатовым каких-либо связей с зарубежными странами от лица шура. Но не скоро он смог вновь вернуться в Башкортостан. Известно, что он сотрудничал с большевиками, под началом Сталина работал по национальному вопросу. Затем он уехал в Азербайджан, а потом и в Турцию.

После обеда члены Башкирского шура собрались в Караван-сараяе и рассказали о проделанной работе. Не было Шарифа и Идельбаева. Шариф с первых дней вел себя вальяжно. Поэтому никто не обращал на это внимание. Подлинным лидером был Заки Валиди. На Курултае его кандидатуру предлагали в председатели. Но он отказался. Потому что нужно было ехать в Туркестан, в Ташкент. Валиди полагал, что здесь в Башкортостане достаточно людей для выполнения задач. И это было так. Члены Центрального шура были образованными людьми, знали иностранные языки.

– Встреча с представителем Временного правительства не дала каких-то результатов, – рассказывал Заки. – Этот человек по фамилии Архангельский не стал даже знакомиться с решениями Курултая, но он готов при возможности нас всех расстрелять. Он оказался из продолжателей политики Татищева и Тевкелева. Архангельский сказал, что не допустит здесь ни башкирскую автономию, ни самоопределения.

– Я тоже не могу похвастаться, – сказал Сагит Мрясов. – Я ходил в Мусульманский комитет, надеясь, что братья-мусульмане если и встретят неласково, но и прогонять не станут пинком под зад. Там окопались люди из газеты «Вақыт»,

которые повторяют лозунги Гаяза Исхаки и Максуда Садри. Стали и меня агитировать, мол, надо ограничиться национально-культурной автономией. А стремление башкир стать хозяевами своей земли, добиться самоуправления считают пустой мечтой. Таков их ответ на решения нашего Курултая.

– Вот слушаю вас, парни, и удивляюсь, – начал свой рассказ Юлдаш Ягофаров. – Живем в одной стране, в одной губернии, но не думал, что вокруг нас столько разных мнений. Я пошел в губернский казачий комитет. Взял наши резолюции на русском языке. Они прочли и стали широко улыбаться. Вот, говорят, башкиры додумались до того, что мы и сами хотели. Мы тоже видим Оренбургскую губернию как отдельный штат. И вы туда же. Значит, мы с вами союзники. Нам надо вместе действовать.

– А помнят ли они, что большая часть Оренбургской губернии – башкирская земля?

– Да, помнят. Они говорят, что их автономия будет только на русских территориях. А башкирская пусть будет на своих.

– А знают они, что эта земля вся башкирская?

Вместо Сагита ответил Заки:

– Конечно, знают. Земли русских раньше заканчивались в Нижнем Новгороде. Но теперь, когда русские и другие заселили многие башкирские земли, что может произойти?

– Нужно вернуть башкирам, конечно.

– Вернуть земли – это значит выгнать из домов теперешних хозяев? Но это насилие, которое приведет к войне. А нужна нам война?

– Действительно, никто добровольно не отдаст свое нажитое добро.

– Значит, воевать.

– Война так война.

– Для войны нужно войско. Или думаете воевать с косами, вилами и топорами?

– Значит, нужно восстановить распущенное в девятнадцатом веке Башкирское войско, – сказал Валиди решительно. Вопрос о необходимости организации своей армии пришел к нему еще в Туркестане. Но пока речи об этом не было. А сегодня этот вопрос вышел на передний план. Заки оглядел курултаевцев. – А что думают казаки, у них ведь войско уже готово?

– Так я и говорю про казаков, – продолжил Сагит. – Казаки помнят, что было Башкирское войско, которое мы сами содержали, охраняли границы России. Поэтому они к нам настроены дружелюбно. Познакомившись с нашими резолюциями, они их восприняли хорошо. Даже написали приветствие нам.

– А как они будут строить свою автономию?

– Они хотят объявить автономию Оренбургского казачьего войска, сами организуют правительство, будут строить больницы, школы. Если кто-то попытается помешать – готовы воевать. Говорят, что у них сильное войско.

Сагит закончил, все притихли. Поразмышляв, Заки Валиди сказал:

– Без войска нельзя... Я завтра уезжаю в Ташкент. Обязанности председателя будет исполнять Сагит Мрясов. Все свои задачи знают. Самое главное – это выборы делегатов в Учредительное собрание. Думаю, что вернусь скоро.

* * *

В эти дни Салих продолжал находиться в прекрасном расположении духа, улыбка не сходила с его лица, с языка слетали блистательные фразы, в душе жило стрем-

ление делать только хорошее людям, приносить радость в мир. Он чувствовал себя очень легко, словно не ходил по земле, а летал. Все, за что он брался, – выходило само собой, без особого труда: писал ли он статьи, сочинял ли стихотворения.

Вот он дописал еще одно творенье и кинулся по дому искать Минзаду. Да где же она? Сердце Салиха билось радостно и нетерпеливо, он хотел быстрее поделиться с Минзадой своим новым стихом. Работница сказала, что Минзада вышла по делам, скоро придет. Но у Салиха не было сил ждать! Он схватил листок и выбежал на улицу. Поспешил в типографию, решил прочесть там. Но в воротах столкнулся с Минзадой. Салих от радости обнял ее, поднял на руки и закружил.

– Что ты делаешь, Салих, перестань. Люди видят, что станут говорить?

– Пусть говорят, теперь ведь свобода. А мужчины и женщины теперь равноправны. Сама ведь этого добивалась.

Салих поставил девушку на землю.

– Слушай, – сказал он и стал воодушевленно читать. Радость поэта перешла Минзаде, она тоже в порыве чувств хотела поделиться услышанным с другими людьми.

– Пойдем, Салих, на городскую площадь! Там сейчас много народу. Там прочтешь свой стих.

– Айда.

Они поспешили, словно на крыльях, на площадь. На замощенной камнем широкой улице было много людей. На деревянных подмостках посреди площади выступал член Башкирского шуро. Его слушали, перебивая рукоплесканиями и криками.

Салих с Минзадой расталкивая людей, протиснулись к подмосткам и поднялись наверх. Выступающий то ли закончил речь, то ли задумался. В этот момент Минзада объявила:

– Слово предоставляется поэту Нурсалиху-эфенди Иделю. Он прочтет свое стихотворение.

Услышав имя Салиха, народ приветственно захлопал в ладоши. Ведь редко кто не читал его стихов.

– Граждане, я сейчас прочту вам свои стихи, я их только что написал, несколько минут назад. Они как горячие пирожки. Даже руку обжигают. – Салих театрально уронил белый листок, как будто обжегся на самом деле. Потом нагнулся и поднял. – Слушайте, свободные люди!..

Все слушали, замерев, а потом раздались аплодисменты.

– Молодец!

– Bravo поэту!

– Еще читай, Салих!

Упрашивать поэта не было необходимости. Он же не для себя сочиняет стихи, а для народа. Творит их из слов и чувств, наполняющих душу. Салих прочел еще, а потом сказал:

– Эх, где моя мандолина?! Я бы сейчас спел от души! – Салих стал искать взглядом кого-то.

– Салих, мандолина нужна? Возьми! – Один человек передал мандолину, которая из рук в руки перешла к Салиху. Он быстро проверил настройку струн и высоким голосом запел:

– Родной народ, за твое счастье...

Душа поэта окрылилась, она, словно жаворонок, взлетела над площадью, изливая свою драгоценную песню народу, она расцвела, видя приветливые лица, светилась, как солнце, и торжествовала. Поэт призывал земляков, понимающих

все струны его сердца, жить красиво и радостно в новом мире, рожать детей и растить их свободными, счастливыми...

* * *

После провала на Курултае Култан сник и увял, как цветок розы на жгучем солнце. Он сидел долго, уставившись в одну точку, не воспринимая даже Зинзилю, ночами лежал с открытыми глазами, не в силах заснуть. Мусульманский комитет его изгнал, а Башкирское шуро не доверяло, его не приглашали, не разговаривали, не поручали дел. Кроме того, Култан получил из Уфы гневное письмо от отца Гайнетдина. «Что ты наделал, поросенок? Ты открыл дорогу сторонникам автономии, мало того, сам перешел к ним, льешь воду на их мельницу, загубил наше дело, все наши надежды. После такого ты мне больше не сын, а я тебе не отец. Живи со своими башкирами», – написал Гайнетдин.

Култан оказался между двух огней, которые при попытке приблизиться к ним жгли еще сильнее. Не зная, куда деваться, что делать, Култан взялся за перо и бумагу. Он силком заставил себя написать название будущего стиха: «Башкирам». Долго помучавшись, он выдал из себе первую строчку, затем написал вторую:

Башкиры, братья! Поздравляю вас

Вы нашли забытые следы...

Култан принес стих к Салиху. Молча положил перед ним листок.

– Вот я написал тут на досуге. Если понравится – напечатай, – сказал он и молча вышел.

Салих прочел стихотворение и долго думал о нем. Култан в стихе наглядно показал, кто он на самом деле. Теперь он призывал не к Казанскому ханству, а к Башкортостану, но во главе с ханом. Как бы ни называлось государство – нужно было избавиться от пришлых. Култан имел в виду русских. Но Курултай ведь уже вынес резолюцию, что все народы равноправны. Култан же прямо призывал отобрать у чужаков земли и скот, пустить им кровь. По тексту получалось, что и татар нужно выгнать. Салих покачал головой. Култан намекал, что башкирского хана нужно посадить в Караван-сарая. Мало было одного царя, подавай теперь хана...

Салих подумал и спрятал рукопись Култана в нижний ящик стола. Такой стих, сеющий раздор между народами, печатать было нельзя. Ситуация и без того была сложной, но многие понимали, что происходит и к чему приведет. Богачи пеклись о своем, бедняки надеялись на перемены, русские ждали одного, а башкиры действовали по-своему. Салих понимал, что достаточно искры, чтобы загорелось пламя костра.

...И в самом деле, напряжение между народами росло, прятавшиеся в глубине веков стихии из обид и притязаний начали подниматься как на дрожжах.

Башкиры, согласно решению Курултая, взялись за возврат своих земель. Было нетрудно выгнать из разрозненных хуторов переселенцев. Завидев отряды башкир, вооруженных вилами, топорами, дубинками, а то и копьями с луками, хуторяне бежали прочь, бросая хозяйство. Вернуть земли, которые были в ведении государства, тоже было несложно. Эти земли вернули снова башкирским деревням, у которых они были отторгнуты.

Но попытки забрать помещичьи земли и участки переселенцев столыпинской реформы 1905 года натолкнулись на сопротивление крестьян, которые жили здесь большими деревнями. Это привело к кровавым столкновениям и поджогам. Башкирский Курултай объявил о возврате земель, но четко никто не понимал,

как это можно сделать без межнациональных конфликтов и на каких условиях. А положение все усугублялось.

* * *

Насип стал командиром собранного им самим отряда. С саблей на боку и с наганом в кобуре, верхом на скакуне он стал считать себя чуть ли не начальником войска шуру. Он давно уже захватил дом управляющего Чодтского завода. Еще тогда, в феврале, Насип поставил на колени управляющего и отыскал-таки золото и другие драгоценности, которые тот скрывал. Все это добро, в том числе найденное на Вознесенском заводе, Насип передал Юлдашу. А тот передал драгоценности в Башкирское шуру. Поэтому Насип неспроста считал себя важной, авторитетной фигурой в движении.

Сегодня Насип решил провести учения своему «войску». Количество людей в отряде было небольшое. Оно то увеличивалось, то сокращалось в зависимости от ситуации. Если власти усиливали давление на народ, то отряд разрастался. Если было спокойно, то и бойцы разбегались по домам. Насип сам говорил тогда, что отпустил людей «на зимние квартиры». В отряде оставались молодые парни, не обремененные заботой о семье и детях. Насип не старался удерживать кого-то силком. Рядом с ним теперь всегда был крещенный татарин Ахмет.

Конный отряд Насипа построился в две шеренги на улице. Он скомандовал:

– Шагом марш! Песню запевай!

Конники запели:

*Придут на землю батыры,
Белые кречеты акыны;
Башкиры как львы,
Быстро вернутся с победой!*

Насип бодро командовал.

– Ахмет, а ты почему не поешь? Песня не нравится?

– Не нравится! Башкиры, значит, львы, я же не попугай за ними повторять.

– Ладно, я разрешаю тебе петь «татары – львы». Ты ведь у нас лев!

Ахмет согласился и стал подпевать. Отряд доехал до церкви из красного кирпича, окруженной каменной оградой.

– Отставить песню! – приказал Насип. – Слушайте теперь мой приказ, – он указал плетью на церковь. – Это вражеская крепость. Враг там засел. На самом верху на колокольне стоит пулемет. Нужно скинуть его наземь. Вперед!

Отряд с гиканьем поскакал к церкви. Бойцы кто с винтовкой, кто с ружьем, кто, размахивая саблей, подъехали к ограде и стали перескакивать за нее, «атаковать» засевшего «условного противника». Один Ахмет не двинулся с места.

– А ты что не выполняешь приказ? – закричал Насип.

– Насип, зачем ты приказал, не подумав, нападать на церковь – это ошибка, – ответил Ахмет. – Это же святое место. Вот тебе понравится, если нападут на мечеть?

– Да брось ты, нашел, о чем переживать, – отмахнулся Насип. – Мы же понарошку, учение у нас.

– Все равно так нельзя. Чем закончится это еще непонятно.

Парни уже взобрались на колокольню. Они пальнули в воздух, сигналив о выполнении приказа, о взятии «укрепления». Все это очень не понравилось жителям

поселка. Кто-то стал прятаться в погреб, а кто-то грозился кулаком через забор. Насип собрал своих молодцов и снова строим и с песней повел к дому управляющего.

Но не успели они попить чаю после учений, как в дом вбежал Ахмет.

– Насип, беда! Народ сюда идет!

Насип посмотрел в окно. У ворот скопилось с десяток людей, они держали вилы и топоры, у кого-то были ружья. Во главе их был бородатый поп. Толпа распахнула ворота усадьбы. Разгневанные люди побежали к дому управляющего, чтобы наказать нечестивцев, осквернивших их церковь.

Насип понял, что влип в серьезное дело. Тут ведь никто не станет слушать твои объяснения. Толпа хотела крови. Но Насип не стал усугублять положение, хотя отряд мог бы остановить, перестрелять эту толпу, патроны были. Но что потом?

– Ребята, по коням! Через задние ворота уходим! – приказал Насип.

Они успели уйти, а толпа ворвалась в пустую усадьбу. Но им нужно было выместить свой гнев, и христиане кинулись к башкирской улице. Первым избили встреченного невинного мальчишку. Они били всех башкир, кто попался на дороге. Затем в поисках Насипа ворвались в один дом и избили хозяев. Они выволокли женщину и требовали указать, где Насип.

– Где этот грабитель Насип?

– Не знаю.

– Ты его прячешь!

Десятки ударов сбили с ног женщину, ее стали пинать сапогами.

В каждом башкирском доме это повторилось.

Затем, насытив свою злобу, они, крестясь, разошлись по домам.

Сам же Насип с отрядом ускакал из деревни. Из-за него досталось невинным людям. Но башкиры, до этого жившие рядом с русскими тихо-мирно, теперь в свою очередь загорелись мстостью, а кому понравится получать побои ни за что?

Весть о том, что в Ермолаево избили башкир, быстро разнеслась по округе. Как снежный ком, катящийся с горы, она нарастала ужасающими подробностями. Будто бы там зарезали всех башкир. Будто Насип отбивался от русских, но не смог сдержать нападения. Будто кафыры так обнаглели, что грозят вырезать всех мусульман. Будто отряды вооруженных русских уже направились к башкирским деревням, чтобы сжечь их дотла. Что вот-вот появятся у них в деревне.

Услышав такие вести, башкиры стали вооружаться, установили на вершинах гор сигнальные башни. Если русский нечаянно заезжал в деревню, то его били до полусмерти. Некоторые башкиры не стали дожидаться прихода русских, а вскочив на коней, стали нападать на них сами. Они скакали вдоль улиц и били плетью и дубинами всех, кто встречался. Местами запылали пожары. Башкиры кричали:

– Сейчас нет вашего царя! Теперь наше Башкирское шуро! За все теперь с вами рассчитаемся!

Русские и другие христиане в ответ грозились тем же. Досталось и другим мусульманам: татарам, мишарам, типтярам. Их караулили на дороге, били и убивали.

* * *

Поступающие сообщения об убийствах, избиениях при разделе земли, доходившие до Оренбурга, угнетали и давили Салиха. Только что радовавшийся долгожданному решению по земле и окрыленный переменами поэт вдруг сделался мрачным, подавленным. Он чувствовал себя виноватым за то, что пролилась кровь.

Вчера он не ночевал дома. И сегодня допоздна засиделся в типографии. Минзада примчалась сюда, боясь, что с Салихом снова случилось что-то страшное. Она застала его, сидящего над листком бумаги, обхватив голову руками. Салих не вскочил, как обычно, навстречу Минзаде, понуро опустил голову, пряча взгляд. Девушка подошла к нему, Салих обнял ее за талию и, прижавшись головой, всхлипнул и зарыдал.

– Почему вот так происходит? Мы же хотели только хорошего и надеялись на это... – вопрошал он. Минзада бросила взгляд на листок, лежавший на столе: «В Кара-кипчакской волости в деревни Тляумбет башкиры вышли на межевание земли. Там их избили русские из деревни Подгорное, одного человека заporоли вилами». Что могла ответить девушка? Она сама расплакалась. Поплакав так вместе, они успокоились. Минзада погладила Салиха по ранней седине.

– Пойдем домой.

Салих поднялся и подошел к окну.

– Нет никакого желания идти.

– От меня устал?

– Совсе нет, любимая. Что бы я делал без тебя, кому бы поведал, что у меня на душе... Я не хочу идти в дом, где все это началось... Извини, но я буду искать другое жилье...

Сердце Минзады оборвалось от таких слов. Она умоляла Салиха взглядом. Но он стоял к ней спиной, глядя в окно. Из глаз девушки потекли слезы. Она молча, с трудом волоча ноги, вышла и пошла домой.

* * *

В Оренбург продолжали поступать зловещие новости. Убили членов Башкирского шуру. В Зауралье сожгли башкирские деревни. В Златоусте в яру нашли троих избитых до полусмерти. В Аргаяше башкиры подожгли завод...

Култан читал такие новости в газетах и боялся обнаружить весть об отце. Он подозревал, что в Башкирском шуру прозвали про письмо отца к нему. И на то были основания. Когда Култан покинул Мусульманский комитет, на его место из Уфы прибыл мугалим медресе Галия Галиян Булатов. Но не он доставил тогда письмо от купца Гайнетдина, а совсем незнакомый башкир.

– Я давно знаком с твоим отцом. Когда я был в Уфе, он передал тебе письмо.

Тогда Култан даже не поинтересовался ни именем, ни адресом этого человека. Не до того было. Он даже не поблагодарил его. Но потом Култан стал сомневаться. А не сочинили ли это письмо коварные члены Башкирского шуру с целью прощупать его? Но потом убедился, что почерк письма был отцовский. Но могло быть так, что этот башкир сперва показал письмо Гайнетдина в шуру Юлдашу? Тогда понятно, почему Салих не стал печатать его стих в газете. А если они теперь пошлют людей ограбить отца? Как на Вознесенском и Чодтском заводах? Башкиры ведь первым делом напали на своих давних угнетателей. Гайнетдин в свое время тоже нажил врагов среди них, когда отобрал для своей кожевенной фабрики землю у башкир. У страха глаза велики. Култану стало все подозрительным, он во всем видел какой-то подвох. Наконец, после раздумий, он решил обо всем написать отцу, раскрыть мотивы своих поступков. «Дорогой отец! Вы набросились на меня, совсем не узнав причину моего присоединения к сторонникам автономии. Но я все продумал, прежде чем решился на такой шаг. Я все взвесил: и за, и против. Мой поступок был продиктован только заботой о Вас, о наших делах. Я не верю

в успех строительства Тюркского каганата. Ведь Всероссийский съезд мусульман выступал лишь за культурно-просветительские лозунги. Этого явно недостаточно. Для строительства каганата нужно стать хозяевами земли, гор и лесов. А Временное правительство или Учредительное собрание не позволят нам организовать отдельное от русских государство. Не думаю, что они готовы так легко отдать то, что веками завоевывали. Но без появления наших самостоятельных республик развитие культуры и просвещения весьма сомнительно. Ведь культура хозяев страны всегда будет главней остальных.

Я вижу, что башкиры выбрали самый верный путь. Они начали дело с возврата земель. Если они отберут свои земли, станут хозяевами лесов, рек и недр, то и государство построят, и культуру с просвещением поднимут. А тюркский каганат лишь мираж. А у башкир – сила. Нельзя с ними не считаться. И русским придется это признать. А затем всем остальным.

В такой ситуации, отец, не перейти вовремя на выгодную сторону было бы грешно и стало бы непростительной близорукостью. Подумав над этим всем, я и решился на свой этот шаг.

Для увеличения нашего состояния, для сохранения наших больших земельных наделов очень важно быть на стороне автономии. Я надеюсь, что смогу войти к ним в доверие и стать членом шуро. В таком случае наше будущее было бы обеспечено.

Дорогой отец! Отказавшись от меня, Вы совершили большую ошибку. Подумайте над тем, что не важно, какой формы будет власть, а важно, сколько пользы лично нам она принесет. Пора нам вспомнить наши башкирские корни, тогда мы окажемся в выигрыше.

Написал: Култангали. Октябрь 1917 года».

Култан несколько дней носил письмо за пазухой. Думал, как и через кого передать. Даже решил отвезти его в Уфу сам, потом передумал. Во-первых, отец с ним разорвал отношения. Во-вторых, его отъезд заметят люди Юлдаша и не одобряют. Ведь они еще не доверяют ему. Если уедет, то решат, что поехал для встречи с противниками автономии.

После долгих размышлений Култан решил отправить с письмом Зинзилю. Ведь Гайнетдин очень хорошо относился к ней. Зинзиля смогла бы убедить отца в том, что муж поступил правильно. Только как посмотрит на это предложение Зинзиля? Она была в положении. Наверняка она возмутится за то, что ее посылают в дальний путь. Но Култан решился поговорить с ней. Не было другой возможности.

Култан рассказал все жене. На удивление Зинзиля сразу согласилась с мужем, даже обрадовалась предложению.

– Не по душе мне Оренбург, – сказала она. – Все время тянет в Уфу. Если Бог даст, то рожу ребенка там.

– Мне будет нужен ответ отца.

– Будет ответ. Ты только мне доверяешь здесь, а там у свекра много надежных людей, доставят тебе ответ.

Култану стало грустно. И вправду, он оставался здесь один среди двух огней. До этого ему давала советы умница жена, а теперь и она уезжает.

Зинзиля ехала в карете по дороге, построенной по велению царицы Екатерины, вдоль тракта были высажены березы, мерзлая земля скрипела под колесами. Зинзиля смотрела в окошко. Дорога была оживленной. Губернский город сидел на перекрестке торговых путей. Сюда постоянно приезжали и отъезжали люди. И сейчас было много телег, верховых и пеших путников. А вот и вокзал. Зинзиля ехала на восток, а с запада прибыл поезд. Пассажиры выходили на перрон. Вот

из вагона вышел какой-то офицер, за ним вышел денщик с чемоданами. Офицер огляделся по сторонам, возможно, искал встречающих. Вскоре Зинзиля потеряла его из виду.

* * *

Юлдаш собирался на работу в Караван-сарай, Минзада надумала ехать в Имангул проведать мать. Она выглянула в окно на шум: возле дома остановилась бричка, с которой спрыгнул офицер.

– Это вернулся брат Халит! – вскрикнула Минзада.

– Кто?

– Халит вернулся!

– Не может быть, он ведь не предупреждал.

– Так вот он!

Минзада с Юлдашем выскочили на улицу. Юлдаш обрадовался, увидев сына в капитанских погонах.

– Что же ты не написал о приезде? Мы бы встретили.

– Неожиданно получил приказ. Отправили в Самару за пополнением. А затем еще и сюда велели.

– Значит, все еще пополнение нужно? Все воевать намерены до конца?

– Так это распоряжение правительства. До победного конца.

– Давно надо остановить эту кровавую бойню...

– Отец, ты часом не стал большевиком, их песню поешь?..

– Я нашу песню пою.

Вот так сразу пошел серьезный разговор, который продолжился и за чаепитием. Вопрос войны и мира обсуждали горячо.

– Какие новости на фронте? – Халит закурил папироску. – Там нечего делать.

Нет прежней армии. Офицеры еще пытаются удержать части от разложения, но вот солдатские комитеты... Сейчас больше митингуют, чем воюют. Нет порядка в армии. В атаку никого не поднять, в караул поставить некого. Интенданты все пропили, разворовали. Нет ни снарядов, ни патронов... Вот решил своих надежных башкир в армию призвать. Они дисциплину знают, дерутся хорошо.

– А мы тебе не отдадим своих парней. – Юлдаш хлопнул кулаком по столу, удивив Халита. Посуда на столе зазвенела.

– Как это не отдадим? Кто вы?

– Я же писал тебе, что организовано Башкирское шуру. Оно приняло решение остановить войну и не посылать башкир на фронт.

– Вот как значит? Ну и дела...

– Ответь мне, сын. Вот ты четвертый год на фронте в окопах. На что тебе случась эта война? Разве твою землю кто-то хочет отобрать? Нет. Вот здесь твоя земля. Никто ее не отнимает. Может, ты мать с отцом защищаешь? Нет. Немец до нас не дотянется. Так за что ты воюешь?

– Интересный вопрос... По-твоему, башкиры должны дома сидеть, потому что немец далеко от нас? А если все инородцы так будут думать, кто воевать станет? Тогда немцы всех по одному перебьют, всех завоюют. Нет, там, на фронте, я воюю за нашу землю, чтобы ему она не досталась. И потом у всех народов есть долг перед страной.

– Какой долг? О каком государстве ты говоришь? – Юлдаш даже рассердился.

– Царское правительство веками угнетало башкир. Башкир просил быть хозяи-

ном на своей родной земле, просил свободы и что получил? А если требовал свои законные права – то получал пули и ядра. А ты говоришь: государство. Такое государство, которое только обирает, бьет и убивает – зачем оно? Зачем проливать за него кровь?

– Так было при царе. Теперь другое время.

– А что изменилось? – Юлдаш вскочил с места, стал ходить по комнате. – Мы много раз обращались к Временному правительству с просьбой вернуть нам свои земли, леса и реки. И не получили никакого ответа. А раз так, зачем башкирам воевать за такое правительство?

Халит сидел молча, озадаченный.

– Что, нечего сказать? – все давил на него отец. – Для нас фронт теперь здесь, на нашей земле, проходит. У нас здесь землю отбирают, а народ убивают. Очень много стало захватов земли без спроса. А бедный башкир все терпит, все такой послушный, вот и давят его. Враг давно уже на нашей земле. А ты вместо того, чтобы защищать его и свою землю, хочешь воевать за Временное правительство, за русских, собрался наших башкирских парней засунуть как пушечное мясо в немецкую мясорубку. Нет! Не дадим тебе для этого людей.

Халит все молчал. Он размышлял над словами отца. До сих пор никто ему не говорил о таких вещах. Он всегда был вдалеке от семьи. С тех пор как началась война, впервые вернулся на родину.

– Халит, если ты считаешь меня своим отцом, если в тебе течет моя кровь, если ты не забыл отца и мать, то вот тебе приказ от меня, от отца и члена Башкирского шуро: на фронт ты больше ни ногой, о новобранцах забудь. Это – во-первых. А во-вторых, в Оренбургском гарнизоне полно башкир. Вот из них надо подготовить войско для шуро. Если даст Аллах, то построим свое государство. А государство без армии не бывает. Вот так. Думай.

Халит задумался. Снова говорил с отцом, снова думал. Минзада, одобряя слова отца, добавляла новые аргументы в разговор. Халит сначала решил, что они стали большевиками. Потом разобрался. Большевики говорили, мол, землю отдать надо крестьянам. А родные говорили, как башкирам забрать свою землю. Вот в чем разница. Башкиры тоже очень разные есть: у кого-то тысячи голов скота, у кого-то один единственный конь.

После долгих споров и уговоров Халит еще не решил, что сказать окончательно. Видать, был похож на отца, который привык семь раз отмерить, прежде чем отрезать. Халит собрался вместе с Минзодой навестить мать. Там, в Имангуле, они пробыли с неделю. У Халита было время подумать. Вернувшись в Оренбург, он сказал:

– Отец, ты прав. Я начну готовить в гарнизоне мусульманских солдат.

– Вот это по-нашему, – обрадовался Юлдаш. – Только там уже работа начата, тебе надо ее продолжить. Там много наших сторонников. Вот вместе и послужите. Хвала Аллаху, у нас теперь есть кадровые офицеры.

* * *

Проводив Зинзилю, Култан долго слонялся по дому, затем написал маленькую статью для публикации. Решил показать ее Салиху. Статья сама по себе была обычная, касалась вопросов преподавания в медресе. Но дело было не в статье. Култан хотел напомнить о своем существовании и народу, и членам шуро. Поэтому подписал материал своим именем.

Но Салиха в типографии он не встретил. Сказали, мол, болеет. Идти его искать было не с руки. Боялся нарваться на Юлдаша. Култан пока не знал, что Салих съехал из дома Юлдаша.

Переезд на другую квартиру Салиха очень не понравился Юлдашу. Сначала он не придал серьезного значения этому, подумал, мальчишка возгордился, обиделся, сам не знает на что, думал – перебесится и вернется. Но Салих пропал. Минзада терпела и ждала его. Затем тоже заупрямилась. Не пошла проведать Салиха. Она поняла, что он ушел, потому что охладел к ней.

До Юлдаша дошли слухи о болезни Салиха. Он узнал его адрес и пошел навещать. Юлдаш сердился и на Салиха, на его безрассудство, и на себя, потому что считал его более серьезным человеком.

Салих неохотно встретил Юлдаша. На его лице читался вопрос: «Что, пришел меня ругать? Ну давай, начинай!»

– Как твоё здоровье? Что болит? Врача пригласить? – стал расспрашивать Юлдаш.

– Голова трещит, тело горит. Лихорадка, думаю. Пройдет.

– Поправляйся быстрее с помощью Аллаха.

Потом они замолчали. Разговор не клеился. Очень много вопросов накопилось у обоих.

– Стихи-то пишешь?

– Не выходит. Сажусь писать, а из глаз слезы... – Салих поделился наболевшим. Он устал от одиночества и хотел выговориться, излить душу. Ему нужен был мудрый совет. Иногда человеку нужно поделиться своими переживаниями лишь для того, чтобы облегчить душу. И не важно, какой совет ты услышишь. Иногда советуя кому-то, ты сам делишься своими сомнениями. Ведь не зря пословица говорит, что, если ты вдвоем с кем-то – дай ему совет, а если ты один – дай совет своей шапке. Она не ответит, конечно, но душа успокоится – вот в чем загвоздка. Иногда пришедший за советом уже давно решил, как поступит, и порой делает все наоборот, вопреки твоему совету. Ты помог ему лишь еще раз убедиться в своей правоте, но ему нужно было рассеять сомнение. Совет порой ищут не для пополнения ума, а чтобы разгрузить котомку тяжелых мыслей.

Салих сейчас был в таком состоянии. Он не мог разобраться в своих мыслях. Поэтому даже обрадовался вопросу Юлдаша насчет стихов.

– Нурсалих, народ ждет от тебя новых стихов. Они нужны людям и в радости, и в печали. Особенно сейчас, когда им трудно, нужно воспламенить их души.

– А что я скажу людям, Юлдаш-эфенди? Я сам не разберусь, что сейчас происходит. Курултай вынес решение дать землю башкирам, а в результате пострадали сами башкиры. Вон сколько убитых, сколько поджогов. Разве этого хотели башкиры? Мало нам было нашей пролитой крови? А мы добавили новые жертвы. Мы призывали к справедливости, а пролилась кровь. Вот почему я страдаю, вот почему из стихов моих капает кровь, льются слезы...

Из глаз Салиха потекли слезы.

«Какая тонкая натура, чуть заденешь – и душа его звенит от боли», – подумал Юлдаш. Видать, стихи рождаются только в таких ранимых душах. А моя душа окаменела давно, потому не то что стихи, добрых слов от меня не услышишь.

– Что поделаешь, – сказал Юлдаш. – Идет борьба. Всегда за землю шла борьба. Никто никому не отдавал ее за так. Только огнем и кровью завоевывали ее... Возможно, и мы совершили ошибку. Нужно было сначала построить Башкирскую республику, органы управления, войско, а потом только браться за земельный вопрос. Тогда бы башкирская кровь не пролилась...

– Башкирская не пролилась бы, а другая?.. Если бы мы хотели напасть с войском – пролилась бы река русской крови. Опять кровь.

– Да, без борьбы не выйдет. Но бороться за права проще, если за спиной государство. Сильное государство. Но силу эту мы применим разумно, к тем, кто не подчиняется... Если будет воля Аллаха, то построим свое государство. Только таким путем мы избавимся от угнетения и рабства, избежим кровопролития.

Салих удивленно посмотрел на Юлдаша. Култан хотел создать татарско-тюркское единство, а этот решил образовать башкирское государство. Юлдаш заметил его взгляд и понял его мысли, поэтому стал говорить о своей правоте. Они долго говорили. Салих под напором Юлдаша все чаще соглашался с ним. Даже куда-то пропала его боль, с каждым ответом облегчалась его душа.

Юлдаш ушел. Салих почувствовал, что в сырой подвал его души заглянул лучик солнца. Оно согрело и приласкало его. Вскоре Салих поправился.

Юлдаш через несколько дней после посещения Салиха возвратился уставший поздно домой из Караван-сарая. Он тихонько открыл дверь. Никто не показался, но в глубине комнаты, где жил Салих, горел свет. Юлдаш прислушался и услышал шепот Салиха и Минзады. Потом Минзада вскочила и пересела от Салиха. Юлдаш понял, что они сидели в обнимку. Юлдаш прошел в дом. Молодые люди сидели с покрасневшими лицами. Юлдаш промолчал и сказал:

– Дочка, иди поставь самовар.

Когда Минзада вышла, Юлдаш обратился к Салиху.

– Нурсалих, мне неудобно, что приходится выполнять роль свата к самому себе, но... Все равно вам не жить друг без друга, давай уже женитесь.

Глаза Салиха округлились. Одноглазый мечтает о втором глазе, а он мечтал о свадьбе с Минзадой, но таких слов услышать от Юлдаша не ожидал.

– Так ведь... Как сказать... Время сейчас беспокойное. Если свадьбу проводить в такое время – неудобно как-то, – пробормотал парень. Юлдаш понял, что Салих не против женитьбы, так от неожиданности говорит ерунду.

– Отцу твоему напишу письмо. Пусть приезжает. Справим свадьбу скромно, без шума.

Салих сидел с опущенной головой. Но не от печали он склонил ее. Так он прятал от Юлдаша свою радостную улыбку.

* * *

Зинзиля вернулась в Уфу, в дом свекра. Она приехала неожиданно, словно снег на голову свалилась для Гайнетдина. Он ведь уже порвал отношения с сыном, а тут невестка заявила с улыбкой на лице. Гайнетдин даже не поздоровался, не предложил присесть Зинзиле. Видя, что свекор настроен злобно к сыну, она просто молча протянула письмо. Гайнетдин сердито глянул на письмо и быстро прочитал его. Ничего не сказал, потом прочел медленно второй раз. Но, казалось, и сейчас он не понял смысл этого послания. Тогда он еще раз проштудировал письмо сына и, смягчившись, произнес:

– Невестка, иди к себе в комнату, отдохни, устала, наверное, с дороги.

Зинзиля решила, что свекор простил их. Ей больше ничего и не надо было.

Но Гайнетдин не сразу оттаял душой. Он долго думал. Только через несколько дней он решил написать ответ.

«Дорогой мой сын Култангали! Я понял, как я виноват перед тобой, только получив твое письмо. Хоть я немало повидал на свете, но, оказывается, не так

прозорлив, как ты. Взвесив все еще раз, я убедился в твоей правоте. Если пожелает Всевышний, то поступим по твоему совету.

И в самом деле, не суть в том, какой формы будет новое государство. Если оно дает возможность для развития наших дел, для увеличения наших доходов, если не обижает нас, а наоборот, возвышает, то годится любое государство, даже с шайтаном во главе.

И все же я, сын, не буду сейчас рвать связи с тюркскими деятелями. Ты дружи там с автономистами, а я здесь с мусульманами. Кто предложит лучшие условия – того власть и выберем. Может, и сторонники Мусульманского комитета будут в итоге привлекательней, и они ведь не дремлют.

Шлю тебе денег. Сейчас в беспокойное время и цена денег условная, не надежны бумажные деньги. Попозже постараюсь прислать золотые монеты. Ты денег не жалея, когда надо, пусти их в дело, подмажь кого надо. Твоя цель – попасть в Шуру – очень правильная, если твоего ораторского мастерства или политического чутья будет мало, то помни, что есть хорошее средство, перед которым все бессильны, – золото.

Невестка жива-здорова, ты не переживай, занимайся делом.

Твой отец.

Октябрь 1917 года».

Но так вышло, что Гайнетдин не решился передать письмо и деньги с кем-нибудь. Вскоре последовали события, которые смешали все прежние планы. Даже у Гайнетдина не было времени написать новое письмо. Он отправил обратно Зинзилю в Оренбург с письмом и с устным приветом, а главное с золотом, да с немалым.

* * *

Галиян Булатов, воспользовавшись темной ночью, постучал в двери дома Култана. За плотно закрытыми ставнями просачивался еле заметный лучик света. Култан не открывал. Галиян постучал еще раз. Раздался голос хозяина:

– Кто там?

– Это я – Галиян Булатов. Твой учитель.

Култан стал отпирать замки и засовы.

Галиян зашел в дом.

– Смотри-ка, как ты себя бережешь, – сказал он, поздоровавшись.

– В такое время иначе нельзя.

– Зинзилю спровадил, а сам тут как лев в клетке, – пошутил Галиян.

Култан понял, что за ним следили.

– Да, сплю сколько влезет.

– Хватит, много ты спал. Пора проснуться. Разве не видишь. Что вокруг творится?

– Вижу. Это меня не касается. У меня нет богатств, я не эксплуататор. Голодный, зато сплю хорошо.

– Эта революционная буря никого не оставит в покое, всех сметет, не надейся зря... Сегодня ночью твоих приятелей из Башкирского шуру должны арестовать.

Галиян ждал реакции Култана на эту новость, но тот никак не среагировал, потупив взгляд.

– Вот так, арестуют Башкирское шуру, – повторил Галиян.

Култан ждал, что он хочет еще сказать. Не для этого же он явился среди ночи.

– Их возьмут как контрреволюционный элемент. Все прежние учреждения упраздняются. Култангали, брось ты своих башкир. У них нет будущего. Большевики объявили, что не будут делить народы России, общество они делят на богатых и бедных. Ни Ленин, ни другие социал-революционеры не позволяют России разделиться на отдельные государства.

Култан внимательно слушал слова Галияна. Но не высказывал свое отношение. Лишь потом сказал:

– Я подумаю.

– Думай: они тебе не спутники. – Галиян попрощался и вышел.

Но Култану не удалось поспать этой ночью. Он размышлял над словами Галияна, когда в ворота снова постучали. Во двор въехала бричка. Раздался голос:

– Култан, открывай. Я вернулась. – Это была Зинзиля.

Култан выбежал и обнял жену.

– Все в порядке? Почему так быстро вернулась? – спросил он.

Зинзиля вошла в дом и рассказала новости:

– В Уфе суматоха. На улицах полно народу. Все митингуют, делят мир на своих и чужих. Как услышал свекор о революции – сразу велел запрягать бричку. Сказал: «Возвращайся к Култану. Там будет спокойней. Сюда завтра-послезавтра заявятся грабить мое нажитое добро: и магазины, и лавки, и дом вверх дном перевернут. Вот держи письмо. Я давно написал. Переписывать некогда. Култану передай – от автономии пусть не отходит. В этом ваше спасение и выход из ситуации. Вот тут немного золота. Если смогу уберечь здешнее добро, потом еще пришло».

Зинзиля вытащила из-под своих вещей сверток. Распаковали его – там было золото. Оба радостно задышали. Вот она сила, которая никогда не уменьшается, никогда не будет побеждена.

Они всю ночь проболтали, обмениваясь новостями.

В Оренбурге и вправду арестовали членов Башкирского шуру. Но Юлдаш и другие члены шуру не оказались дома. Галиян был взбешен. Он первым заподозрил Култана, что тот предупредил башкир. Но оставленный наблюдать за Култаном человек заверил, что тот никуда не выходил.

ДЕРЕВНЯ КУНАКБАЙ

В деревне Кунакбай никогда не было мечети. Хотя история деревни насчитывает двести лет, но так случилось. В соседних деревнях были и мечети, и медресе, где учились дети. А в Кунакбае не было. Может быть, потому, что деревня была небольшая. Не находилось до сих пор человека, кто взялся бы за такое большое дело. А причина, что никто не брался за строительство, была в самих жителях. Деревня эта появилась на «царской земле», которую казна взяла под содержание яма – почты. Потом, когда большая дорога прошла мимо этого места, то и от яма отказались. И земля освободилась. Но представитель власти не хотел, чтобы она снова перешла к прежним хозяевам, и будто приказал своему помощнику построить здесь деревню. Только не учел он одного, что помощник его был не местный. А значит, прав на землю не имел. А вотчиники-башкиры тут как тут, примчались на конях. Стали они допрашивать того человека (Кунакбай его звали):

– Почему ты здесь дом строишь, это ведь наша земля.

Тот, конечно, знал, что они заявятся рано или поздно и вытащил бумагу. А там черным по белому сказано построить ему, Кунакбаю, здесь деревню, и печать губернской канцелярии стоит как полагается.

Вотчинники прикусили язык, но свои права знали.

– Все равно это наша земля, поэтому в этой деревне мы поселим своих людей.

– Сказали они, так и сделали.

Кунакбай помчался к своим покровителям, но те не смогли пойти против законных прав вотчинников. Ведь земля, взятая под почтовый ям, должна была вернуться к хозяевам.

Власть в России издавна существует для того, чтобы не дать человеку жить при-вольно. И в тот раз так было. Раз не хотелось возвращать землю, так придумали, как местным вотчинникам не дать жить спокойно. Проведя такую каверзу, власти подсылали на житье в Кунакбай всех безземельных с округи. В итоге тут понаехало в деревню много всяких безродных. Да еще местные заселились. Потому-то и не было спокойной жизни в этой деревне. Ведь сосед не был родственником соседу, а значит, завидовал. Если у соседа прибавлялась одна курица, то завтра он мог не досчитаться двух.

Вот так никому не было дела до Кунакбая, грамотных среди них почти не было. Один хозяин по имени Юныс сумел нажать добра, потому работал и не обращал внимания на пересуды. Вот он-то и задумал поставить мечеть. А все потому, что так повелось, что по пятницам и по праздникам односельчане использовали его просторный дом как место молитвы.

А раз приходят люди, то после намаза хозяин должен соблюдать гостеприим-ство да милостыню раздавать. Мало того, стали уговаривать Юныса открыть в доме школу-медресе для детей. Подумав и все взвесив, решил Юныс построить в деревне мечеть. Надеялся, что половину расходов возьмут на себя жители.

Три года шло строительство. Хорошая вышла мечеть. Хотя сельчане ничем не помогли, уклонились от участия.

Мечеть стала украшением деревни, но уже два года не было у них своего муллы. Нужен был для дома Аллаха свой имам или муэдзин. А грамотных и обученных людей в самой деревне не было. Приезжавшие муллы долго не задерживались здесь. И все они были на шее у Юныса.

Однажды увидел Юныс, что минарет мечети стоит без полумесяца. Он был в растерянности. Кто же мог пойти на такую низость? Хоть никто не возражал о строительстве мечети, но были те, кто завидовал Юнысу. Хорошо, хоть вслух не ругали Юныса за мечеть, боясь Божьей кары. Но зависть и здесь толкала их на такие проделки. Юныс очень рассердился и был оскорблен. Но не подал виду и потом не знал, чьих это рук дело.

Сначала поискал полумесяц на земле. Может, ветром сдуло? Нет, не нашел. Сомнений не было – кто-то из деревенских пошел на святотатство. Но кто?

Юныс заказал у кузнеца новый полумесяц. Сам прикрепил древко, сам покрасил в зеленый цвет и, наняв двух парней, велел прибить на минарет. Парни сказали, что от прежнего полумесяца лишь след от гвоздя остался и понять, почему он исчез, было нельзя.

Может, потом и забылось бы это происшествие, но на следующий день в де-ревню явился чужой человек. Он пришел к мечети и спросил прохожего.

– Кто хозяин деревни?

– Все мы хозяева, а бай у нас Юныс.

– Отведи меня к нему.

– Да вот его дом рядом, самый богатый, крыша крыта зеленым железом.

Чужак прошел в дом Юныса, но вскоре вышел, никого не застав. Он огляделся во дворе, тут из сарая вышла женщина. Она увидела незнакомца и прикрылась платком.

– Здравствуйте, – поздоровался по-татарски чужак. – Я новый имам вашей деревни. Где хозяин?

– Здравствуйте. Хозяин на лугу, на сенокосе.

– Когда вернется?

– К вечеру.

– Почему так долго?

– Так сено косит. Скот чем кормить зимой?

– Где мне его ждать?

– В доме.

– Я уже заходил в дом. Почему открыто, не запираете на замок?

– Вот еще, дом запирайте! Вон же крюк наброшен. Все видят, что дома никого, и не заходят.

– А воры?

– У нас нет воров.

– Хорошо, я дома отдохну. Чаю принеси. И сама заходи, глаза у тебя сверкают. Вечером жена встретила Юныса в слезах.

– Пришел какой-то дурень. Сам говорит, что имам. А сам ко мне приставал, еле убежала.

Юныс в гневе забежал в дом, но, увидев спящего на мягких перинах человека, остыл. Незнакомец спал как младенец. Как можно будить человека из-за слов женщины? Юныс умывался во дворе перед ужином, когда из дома вышел тот человек.

– Здравствуйте, вот и хозяин вернулся. А я устал с дороги, прилег отдохнуть и заснул. – Он подошел и поздоровался как ни в чем не бывало. Юныс даже засомневался: не выдумывает ли жена?

Гость говорил не умолкая. Рассказал, что он из-под Казани, что там места красивые, не то что здешние; что учился он в медресе Казани, что был самый лучший шакирд. В Духовном управлении мусульман он выпросил себе самый дальний уголок, чтобы просветить тамошних неучей, вывести их на путь истинный. Вот и определили его имамом в Кунакбай.

– Вы сами не понимаете, какое счастье на вас свалилось. Я выведу вас к райской жизни. Пусть это знает самый из отсталых башкир! – провозгласил имам.

Юныс промолчал, хотя имам ему не понравился. Что делать, законы гостеприимства.

Сели за стол. Жена Юныса поднесла кумган с водой для умывания и таз. Потом подала вышитые полотенца. Стол накрыли скатертью. Как положено для почетного гостя, женщина вынесла на подносе баранью запеченную голову. Подала нож для мяса. Юныс поставил поднос ближе к имаму.

– Прошу, угощайся, имам.

– Что мне с этим делать? – Скривил лицо гость.

– Хочешь, сам кушай, хочешь – других угости.

– Вот эту черную голову? Да она же немытая, – имам отпихнул ногой поднос с угощением. – Говорили мне, что башкиры грязные, оказывается, это правда! Принесите мне чай, если он будет чистым, то я выпью его и уйду отсюда!

Юныс и тут промолчал. А тот выпил 5-6 чашек чая со сладостями, потом отрыгнул. Затем вытянул ноги и издал характерный звук. Юныс и это стерпел. Лишь прикрикнул на жену:

– Стели постель!

Жена в испуге, не слышавшая прежде от мужа такого грубого тона, засуетилась, застилая кровать. Чем это закончится, думала она?

Легли спать муж с женой и гость.

Юныс утром снова отправился на работу. Когда он вернулся попить чайку, то жена не встретила его, как всегда, в летнем домике. Юныс позвал жену. Ответа не было. Зашел в дом, а там ужасная картина. Полуголая жена лежит на полу. Руки завязаны назад. Во рту кляп из тряпок. Одна нога привязана к ножке кровати.

– Кто! Кто это сделал! – спросил Юныс, развязывая жену. – Это он? Этот имам? Не ожидая ответа, он схватил камчу и выбежал из дома. Прибежал в мечеть, а тот имам читает намаз.

Юныс подбежал и огрел камчой имама, закричав:

– Почему?

У того округлились глаза:

– Сама виновата, – ответил он. – Я ее просил по-человечески. Нам говорили, если вежливо попросить, то башкирские женщины не отказывают. А раз отказала, я вынужден был применить силу. Да не расстраивайся ты, баб много, найдешь себе еще другую жену. А за то, что поднял руку на имама, – тебя ждет суровое наказание.

– Ах ты, мерзавец, ты еще мне угрожаешь? Вот тебе за жену! – Камча снова и снова била по спине имама.

Если бы люди, пришедшие с улицы, не утихомирили Юныса, то, пожалуй, он до смерти засек бы того насильника. Еле оттащили.

Имам схватил пожитки и умчался из деревни, проклиная жителей:

– Я этого так не оставлю, подняли руку на имама, я буду жаловаться в жандармерию, в газете пропишу про вас! – огрызнулся имам.

И в самом деле, скоро в газете «Вақыт» появилась заметка. Писали, что башкиры с каждым днем все дичают. Может, они решили снова стать язычниками. Вот на днях среди бела дня в доме Аллаха, в мечети, избили камчой имама. Это было в деревне Кунакбай. Там они избили и прогнали пришедшего по распоряжению Духовного управления нашего соплеменника, выпускника Казанского медресе, который нес слова Аллаха. А газета «Уфимские ведомости» перепечатала эту заметку. Только вместо «соплеменника» стояло «татарина».

Эту новость прочел Владимир Ульянов и на полях газеты написал вопрос: «Почему башкиры прогнали татарского имама?»

Прочли эту заметку и Заки Валиди, и муфтий Духовного управления мусульман Галимжан Баруди.

Заки много раз слышал истории об отношениях религиозных деятелей и башкир. Среди татарских мулл было мало людей, знакомых с обычаями башкир, говорящих на башкирском языке. Башкиры жаловались на то, что нет подготовки башкирских священнослужителей.

Заки Валиди решил поговорить с муфтием именно об этом. Это было во время второго Курултая башкир. Валиди обратил внимание на отсутствие муфтия на съезде. Как можно игнорировать духовному лидеру собрание двухмиллионного башкирского мусульманского народа? Что это: равнодушие или наплеватьство к судьбе мусульман?

Заки хотел получить ответы. Он пришел в здание муфтията. За сто пятьдесят лет в этих стенах проработали многие люди, выступали с разными речами. Заки даже почувствовал благоговение перед древними стенами. Ведь и будущее его народа решается в том числе и в этом доме.

Муфтий принял Заки довольно прохладно. Он не поднялся навстречу, лишь отложил из рук книгу. Прочел молитву.

– Слушаю тебя, – сказал.

– Муфтий хазрет, я Ахметзаки Валиди, сын Ахметшаха из Стерлитамакского уезда деревни Кузян.

- Слышал я про тебя, особенно в связи с последними волнениями.
- И что говорят обо мне?
- Не будем отвлекаться попусту, говори.
- Я пришел пригласить вас на Курултай башкир. Его заседание было сегодня.

А завтра продолжится.

- А что такое курултай? Незнакомое слово.
- Это съезд по-башкирски.
- Я недавно участвовал на съезде. На съезде мусульман Уфимской губернии.

Думаю, этого достаточно. Башкиры же тоже мусульмане.

- Только на том съезде не было делегатов от башкир.
- Надо было выбрать делегатов, тогда не пришлось бы сейчас курултай собирать.

– Значит, вы не придете?

– Не смогу. Завтра много важных дел. Все расписано по часам. Отменить не выйдет.

– Как пожелаете. Если разрешите, хочу задать пару вопросов.

– Пожалуйста.

– Почему Духовное управление посылает в башкирские деревни татарских мулл? Почему не готовите башкирских религиозных деятелей?

– Аллах не делит своих рабов по национальности. Перед Ним все равны. Лишь бы был правоверным мусульманином. Что касается шакирдов, то учиться каждый идет по своей воле. Кто хочет, тот и учится. А башкиры учиться не желают, а присланных имамов избивают и прогоняют.

– Вы имеете в виду происшествие в Кунакбае?

– Именно.

– Так ведь там имам изнасиловал жену уважаемого человека.

– Не мелите чепухи, Заки-эфенди.

– Это не чепуха, а факт, установленный уездным судом.

– Боже сохрани!

– Значит, Духовное управление считает, что не нужно заботиться о башкирах, защищать их, просвещать?

– Мы одинаково относимся ко всем мусульманам. Мы их не разделяем. Кроме того, нет такой нации – башкиры, они только испорченная часть татар.

– Вот как? В таком случае, муфтий хазрет, наши пути расходятся. Мы займемся строительством своего духовного управления Башкортостана.

Заки Валиди вышел решительной походкой.

(Продолжение следует)